

Интенсивная теоретическая разработка проблем славянской фразеологии отразилась за последнее десятилетие и в лексикографической практике. Созданы монументальные словари болгарской, русской, сербохорватской и польской фразеологии, вышло немало переводных фразеологических словарей. Новейшее издание в этой серии — «Словарь чешской фразеологии и идиоматики».

Этот словарь нов не только как последнее по времени издание подобного рода — он является новаторским по многим лексикографическим параметрам: отбору материала, ориентации на разговорно-обиходный стандарт, полноте лексикографического описания, детализации словарной статьи, попыткам отразить идеографические связи чешской фразеологической системы и т. д. При его создании авторы опирались на опыт мировой паремииграфии и фразеографии, подвергнутой критическому пересмотру. Стремление отразить все многообразие сематических, структурно-грамматических и функционально-стилистических характеристик каждой описываемой фразеологической единицы (далее — ФЕ) пронизывает весь словарь.

Работа над словарем начиналась в Карловом университете, и первоначально он мыслился как пособие для студентов, изучающих чешский язык, и как справочник для переводчиков и писателей. Затем материал словаря расширился, лексикографическая концепция усложнилась, состав авторов увеличился, и он из учебного вырос в словарь академический. По мысли авторов, каждый том этого фразеологического компендиума содержит относительно однородный в структурно-семантическом отношении материал. Первый, рецензируемый том — устойчивые сравнения. Второй, к работе над которым коллектив уже приступил, — глагольные ФЕ. Третий — «номинальные» (т. е. именные) и адъективные фразеологизмы.

Рецензируемый том дает четкое представление как о принципах, так и о «материальном» размахе этого фразеологического тезауруса. В словарь вошло около 2,5 тысяч устойчивых сравнений, что превышает количественно все лексикографические отражения этого вида фразеологии в других славянских словарях данного типа¹. Авторы стремятся отразить все устойчивые единицы — компаративы, бытующие как в современном литературном чешском языке, так и в живой речи. Широкий выход в речевую стихию, как известно, неминуемо вступает в противоречие с нормативными установками словаря академического типа. Чтобы избежать этой опасности, авторы разработали систему строго про-

думаных помет, которыми устанавливается норма употребления той или иной ФЕ, предлагаемой читателю. Таким образом, в словаре отражен во всей широте диапазон бытующих сейчас устойчивых сравнений и вместе с тем показаны пределы их функционирования. В какой-то мере, по мысли авторов (с. 9), это должно способствовать стабилизации употребления ФЕ, тем более, что сильная вариатность и «динамизм развития» такой стабилизации постоянно препятствуют. Одним из главных критериев отбора материала была частотность употребления, определяемая как интуитивно, так и на основе опроса и анкетирования информантов или обращения к лексикографическим источникам.

Ориентация на речевой узус обусловила и характер иллюстраций. Это почти сплошь узуальные контексты — записи живой речи, хотя в предисловии авторы пишут, что словарь опирается на картотеку извлечений примерно из ста оригинальных или переводных текстов, изданных после 1960 г. (с. 10). Прямых ссылок на эти тексты или извлечений из них, однако, читатель в словаре не найдет. Ко многим ФЕ контекстуальных иллюстраций вообще не дается.

Материал расположен по алфавиту опорного слова, что особенно целесообразно для лексикографической подачи устойчивых сравнений. Поиск соответствующего оборота облегчен отсылочными статьями и идеографическим указателем. Составной частью основной статьи является отсылка на самые близкие к описываемому обороту синонимический и антонимический ряды, что делает лексикографическое описание демонстрацией фразеологической микросистемы.

Полнота лексикографического описания ФЕ обеспечивается стремлением авторов дать комплексную характеристику, в которой представлены, как правило, следующие сведения: возможные лексемозаменители первого компонента (в том числе и морфологически различные); синтагматический вариант ФЕ, без которого такая единица может употребляться; стержневое слово; стилистическая характеристика оборота (т. е. стилистические пометы типа *поэт., книж., публи., нейтр., разг., сленг., или одобр., неодобр., шутл., ирон., груб., вульг.* и под.); грамматическая характеристика; трансформации ФЕ; контекст и валентность; толкование значения; другие данные об употреблении, этимологии и проч.; отсылка на идеографический указатель; «близкие» синонимический и антонимический ряды или тематический круг близких по значению оборотов; наконец, английский, немецкий, французский и русский эквиваленты. Таким словарным описанием достигается максимально полная характеристика устойчивого сравнения, широкая демонстрация его системных отношений и узуального варьирования. Опыт такого описания весьма важен для теории и практики фразеогра-

¹ Во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А. И. Молоткова (М., 3-е стереот. изд. 1978), например, насчитывается всего лишь около 200 устойчивых сравнений.

фии, и его в целом можно считать несомненной удачей чешских фразеологов.

Чрезвычайно ценен для отражения системности описываемых ФЕ и продуманный идеографический указатель во второй части словаря (с. 417—461), где компактно собраны все синонимические ряды и тематические группы, получившие детализированное описание в основном его корпусе. Причем это не просто указатель, но и дифференцированный по семантическим оттенкам и функциональным сферам употребления реестр фразеологизмов, дающий весьма важную практическую информацию переводчикам, писателям, лингвистам и всем другим читателям — любителям образной речи. Полезно в теоретическом и практическом плане и заключение Фр. Чермака «Чешские сравнения» (с. 463—492), где автор и один из главных редакторов словаря излагает свою трактовку компаративов, уже известную по его монографии [1].

Словарь чешской фразеологии и идиоматики — смелый лексикографический эксперимент. Вот почему в нем нетрудно нащупать слабые места общей и славянской фразеологии. Стремление отразить материал во всей его полноте ведет к некоторой «всеядности»: в корпус словаря попадают периферийные, устаревшие, окказиональные обороты, почти не имеющие хождения ни в литературном языке, ни в речи. Ориентация на отражение разговорной стихии приводит к перенасыщению его вульгаризмами и просторечными оборотами. Желание продемонстрировать системность на всех уровнях ведет иногда к избыточной детализации отдельных характеристик: например, грамматическая характеристика описываемых ФЕ кажется излишне усложненной, самоцелью и не всегда лексикографически и фразеологически оправданной.

Отбор синонимических и антонимических соответствий в словарной статье при наличии идеографического указателя может показаться в большой степени произвольным и неполным. Так, например, неясно, почему в статье *hořký jako pelyněk* в качестве синонима приводится оборот *hořký jako zeměžluč* и отсутствует *hořký jako žluč* (с. 261) или почему в статье *mit nožky jako gazela* приводятся лишь синонимы *mit nožky jako laň/laňka, mit nohy jako vysoustruhované* (с. 104) и нет оборота *mit nohy/nožky jako srna*. Не экономнее ли в таких случаях отсылать читателя к ключевым словам идеографического указателя, под которыми собраны соответствующие синонимические и антонимические ряды?

Можно также оспорить правомерность объединения некоторых самостоятельных по образу оборотов в одну статью в качестве лексических вариантов. Так, ФЕ *děvuše jako malinaljahoda* (с. 196), *hezky jako růželz ráže květ* (с. 306) и особенно *zdravý jako rybička/rys* (с. 307) кажутся в вариантами, а равноценными синонимами, хотя тематическая близость соответствующих стержневых лексем и переносного значения несомненна. Дело здесь даже не в теоретической трактовке подобных случаев, а в практической непоследовательности составителей: ведь при-

знание названных выше ФЕ лексическими вариантами должно было вести к объединению многих оборотов в общие словарные статьи. Ср. уже упомянувшиеся *mit nožky jako gazela* и *mit nožky jako laňka*, разведенные в разные статьи, несмотря на их несомненно большее образное сходство, чем у оборотов *zdravý jako rybička* и *zdravý jako rys*.

Можно также отметить и мелкие недочеты, например, включение в корпус словаря некоторых оборотов, не имеющих, как кажется, статуса сравнений в традиционном понимании этой единицы — типа *že by tam mohl brambory sázet* или *až se tu dělají boule za ušima*. К таким недочетам относится и пропуск некоторых ФЕ, имеющих широкое хождение в чешском языке, — например, *jako na talíři* или *hlavz jako putlmák*, а также спорность некоторых этимологических трактовок².

Самым слабым местом словаря, однако, являются иноязычные эквиваленты, особенно русские. Понятно, что перед Л. Н. Белорусс-Беложеской и Т. В. Даниловой, взявшими на себя труд подбора таких эквивалентов к 2,5 тысячам чешских оборотов, стояла чрезвычайно сложная задача, ибо устойчивые сравнения русского языка довольно слабо и непоследовательно отражены во фразеологических и других словарях. Поэтому они пошли по пути импровизированного подбора эквивалентов, опираясь в основном на свой собственный языковой опыт и разговорный узо. Плюсмом такого подхода является введение в печатный текст нового и свежего материала, смелость его подачи (здесь есть и русский сленг, жаргон, немало вульгаризмов), регистрация известных в речи, но не зафиксированных литературными источниками вариантов. Ср. такие русские обороты, использованные в качестве эквивалентов, как *хлеб как резина, сидеть как китайский болванчик, чего-либо как деревее в лесу, ноги как бутылочки, вести себя как псих*.

Вместе с тем ориентация на собственный языковой опыт и просторечно-разговорную стихию приводит ко многим погрешностям, неточностям и лексикографическим ляписам. Русские эквиваленты не разграничены по признаку «устойчивость — неустойчивость»: в словарь попадают явно неустоявшиеся в языке и речи ФЕ [ср. *она как Алиса в стране чудес, лизнет как в близкой лавке, из целия футбольная команда, (богатый) как Илья Муромец, он как гуптаперчевый или окказионализмы: он как будто сбежал из Белых Столбов, он как Гулливер среди дилипутов, (собака) здоровая как теленок*]. Авторы эквивалентов нередко допускают и прямое калькирование чешских сравнений, создавая тем самым иллюзию полных межъязыковых совпадений (ср.: *выглядеть как бог места — tvářit se jako bůh pomsty, отпечется от кого-нибудь как Пепр от Христа — zapřít někoho jako Petr Krista; выскочить*

² Например, сравнение *pije jako holendr* имеет этнонимическую, а не «техническую» мотивировку — см. подробнее в [2].

как черт из шкатулки — *vyskočit jako čert ze škatulky*).

При подборе эквивалентов допускаются целый ряд несоответствий, противоречащих самому понятию эквивалента. Это в первую очередь семантическая и стилистическая несовместимость чешских и русских оборотов: *být starý jako Abrahám* — он стар как мир; *přihnát se jako čtyři* — он как шкаф; *bejt jako podebranej vřed* — надуться как мшишь на крупу; *je jich jako (svatých) apoštolů* — их целая футбольная команда; *držet jako beran* — он как партизан; *být zmrzlý jako houn* — замерзнуть как ледышка; *bejt jako po vejprazku* — он как в воду опущенный. Можно отметить и неверные формы, выводимые авторами эквивалентной части (ср., например, *дристься как из ружья* на с. 42), а также отсутствие многих эквивалентов даже там, где они в русском языке имеются [например, *mit hlavičku jako takovičku* и известное *головка как лука* или (*být neotuplý jako papež* при зафиксированном в словарях *он непогрешимее самого папы римского*)]. Справед-

ливости ради следует заметить, что отмеченные погрешности во многом характерны и для английских, немецких и французских эквивалентов.

При всех недочетах рецензируемый словарь — новое и весомое слово в славянской фразеологии. Стремление отразить системность на всех уровнях, лексикографический максимализм и попытка зафиксировать современный узус устойчивых сравнений чешского языка во всех сферах их функционирования являются несомненными достоинствами первого тома этого капитального труда. Остаётся пожелать, чтобы коллектив его составителей успешно довел начатое дело до конца.

Мокшенико В. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Čermák Fr. *Idiomatika a frazeologie češtiny*. Praha, 1932.
2. Mokšeničková V. *Píje jako holendr nebo jako Holendr?* — *Naše řeč*, 1973, N 2.